

Л.И. Ермоленкина

МЕХАНИЗМЫ ДИСКУРСИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОНВЕРГЕНТНОГО РАДИО

Исследуется проблема медийного воздействия одной из гибридных форм современной коммуникации – конвергентного радио, транслирующего на платформе интернета. Делаются выводы о неочевидном характере такого воздействия по причине реализации в коммуникационной среде конвергентного источника, смысловое пространство которого в значительной степени конструируется при активном участии адресата-пользователя, а также о специфике дискурсивного контроля, который проявляется в типовых эмоциональных реакциях реципиентов – участников интерактивного взаимодействия.

Ключевые слова: дискурс конвергентного радио; интерактивная коммуникация; диалогическое взаимодействие; дискурсивное воздействие.

Введение

Тенденция к технологическому и культурному объединению медийных платформ обусловила появление таких социальных феноменов, как конвергентные медиа – функционально взаимозависимые источники трансляции и связи с адресатом (например, радио, интернет и телефон), использующие комплекс мультимедийных средств взаимодействия с аудиторией. Стратегически важной для функционирования конвергентных СМИ является интерактивная форма взаимодействия с адресатом, поэтому значительный сегмент таких источников – аналогового радио, телевидения, печати – использует социально-сетевую платформу и распространяет свое вещание посредством популярных аккаунтов ВКонтакте, Instagram, Facebook и др.

В данном исследовании рассматривается дискурсивная практика конвергентного радио информационно-аналитической и информационно-развлекательной спецификации (формата), реализуемая как воспроизводимая социоречевая деятельность субъектов институционализированной коммуникации (дискурса), участвующих в производстве его интерактивного контента.

Активный характер потребления интерактивного ресурса радио (сервисы, обрабатывающие аналитику внимания (Googl Analytics, RamblerTop 100, Яндекс.Метрики, LiveIntmet.ru и др.)), позволяющий радиостанциям верифицировать показатели качественного характера: вкусы и предпочтения целевой аудитории, ее реакции на определенные программы и темы) указывает на ряд мотивов, важных с точки зрения его выбора адресатами. Становясь активным субъектом дискурсивной практики, пользователь удовлетворяет не только свои рекреативные потребности, но и получает новый опыт социализации – участие в публичном диалоге. Включенность адресата в процесс функционирования конвергентного радио дает основания говорить о том, что его типологическая роль качественно меняется на этом витке развития СМИ: из объекта (мишени) воздействия он трансформируется в субъекта действия, созидающего дискурс в процессе диалогического взаимодействия с медийным источником. В русле этой тенденции актуализируется проблема воздействия медиадискурса, реализующего гибридные структуры современной коммуникации.

Методология исследования

Интегральным признаком для базовых функций медиа (наблюдение за миром – сбор и распространение информации, формирование общественного мнения, распространение культуры [1]) является управление вниманием и рецептивной активностью адресата через воздействие на его картину мира. По Ж. Бодрийяру, основной эффект моделирования реальности средствами массмедиа – это создание замещающих образов-конструкций, представляющих мир в виде мозаики из бесчисленных и не связанных осколков – сообщений [2]. Потоки хаотично взаимодействующих текстов и сюжетов не позволяют субъекту выстроить целостный образ мира на рационально-аналитической основе. В то же время позиция каналов СМИ определяется конкретными нормативами: общемедийной идеологией, форматной концепцией, редакционной политикой и рыночной конъюнктурой. В результате необходимыми элементами медийного воспроизводства становятся селекция и организация фактов, игра со смыслами и оценками.

Традиция изучения дискурсивных механизмов медийного воздействия отражает междисциплинарный характер проблематики реализации дискурсивной власти [3–5], дискурсивной идеологии [6–8.] и дискурсивных картин мира [9]. Исследование манипулятивного потенциала медиатекста сосредоточено в основном на автороцентрической модели медийного воздействия – языковых показателях позиции автора, косвенно указывающих на картину мира, которая может сформироваться в сознании адресата [9–14].

Изучение коммуникации в пространстве конвергентного радио отражает установку на поиск закономерностей в осуществлении контроля дискурса там, где он не демонстрирует эксплицитных стратегий реализации, поэтому исследовательский акцент на деятельном характере участия адресата в дискурсивной практике конвергентного радио представляется перспективным для описания феномена медийного воздействия.

Для анализа материала интерактивной коммуникации в пространстве конвергентного радио, рассматриваемого в аспекте воздействия, выбрана комплексная методика, учитывающая институциональную и персонологическую реализации дискурсивной прак-

тики. Институциональный аспект интерактивного взаимодействия рассматривается с позиции дискурсивного подхода к медийной коммуникации [15], согласно которому медиа реализует социоречевую деятельность, направленную на формирование картины мира аудитории. Существенная особенность этого процесса обусловлена контекстами – «ментально репрезентированными структурами характеристик социальной ситуации, которые релевантны производству и пониманию дискурса» [3. С. 161]. Согласно Т. ван Дейку, контекст определяется такими категориями, как воспроизводимые действия в рамках определенных жанров, участники, выполняющие различные коммуникативные роли, а также их ментальные репрезентации в виде целей, ценностных систем, идеологии [3. С. 161]. Воздействие контекста реализуется через его контроль над какой-либо из данных категорий в виде конвенций понимания участниками коммуникации ситуации взаимодействия.

Контекстами, определяющими течение коммуникации в интерактивной среде конвергентного радио, являются базовые установки, формируемые в среде интернет-коммуникации и аналогового радио. С одной стороны, сетевой канал медиа ориентирует радио на привлечение лояльных адресатов и распространение ресурса в среде новых пользователей. Концепты свободы самовыражения и глобальной адресации, характеризующие коммуникацию, опосредованную интернетом, определяют установку пользователей на самоактуализацию и межперсональное взаимодействие [16, 17]. С другой стороны, форматная концепция аналогового источника корректирует этот процесс установками на те ценностные ориентиры и нормы, которые определяются презумпциями выбора релевантных каналов тем, повестки дня, личностей ведущих и гостей эфира, а также коммуникативно-языковых и звуковых способов организации вещания, специфицирующих канал на фоне конкурирующих.

Персонологический аспект дискурса радио реализуется в диалогическом общении пользователей, для анализа которого в аспекте воздействия применяется методика описания диалогической коммуникации, рассматривающая интеракции с точки зрения того, какой вклад в ее развитие вносят участники на основе выбранных ими стратегий [18, 19]. Формируемые в результате взаимодействия диалогические структуры рассматриваются на основе методики качественного критического дискурс-анализа, построенного на описании типовых с точки зрения развития темы фрагментов, образующих смысловые последовательности – дискурсивные нити (по З. Йегер) [20].

Результаты исследования

Полагаем, что одним из механизмов воздействия, реализуемых в интерактивном пространстве конвергентного радио, является стереотипизация сценариев коммуникативного поведения. Данный механизм реализации дискурсивной практики определяет диапазон ожидаемых реакций адресата, следующих на институционально организованный стимул – текст (редакторский пост), предназначенный для комментария и обсуждения пользователей.

В данном случае рассматривается материал социально-сетевой версии радиостанций «Эхо Москвы» («ЭМ») и «Радио Маяк», вещающих в аккаунте «ВКонтакте». Оба канала позиционируют себя как разговорные, общие черты прослеживаются в просветительской направленности программ и возможности любого радиослушателя стать интерактивным пользователем портала. Специфика «ЭМ» отражает установку на дискуссионный характер обсуждения проблем политической и социокультурной жизни общества.

Изученный материал – фрагменты трех интерактивных сессий, ограниченных временным интервалом 24 ч, в течение которых участники комментировали редакторские посты. Логика наблюдения строится по схеме: «институциональный источник (инициирующий текст) – реакции пользователей (1) на текст – реакции пользователей (2) на реакции пользователей (1)». Действия коммуникантов, эксплицирующих дискурсивный контроль, маркируются показателями (лексические переклички, повторы, реплики-переспросы), характеризующими моменты коммуникативных пересечений и смысловых взаимовлияний иницирующего текста и реакций на него в виде комментирующих текстов пользователей. Необходимо учитывать, что в цифровой среде интернета иницирующий текст реализует комплексный характер на пересечении различных средств вербальной и невербальной семиотики (фото, видео, графики, анимации и др.), указывающий на содержательную и структурную открытость, поликодовую многоуровневость в границах разных медийных систем.

Процесс интеракций, организуемый вокруг обсуждаемого текста, структурируется его значениями:сылки текста, актуализируемые в виде концептуальных смыслов, остаются в импликации, но определяют коммуникативный сценарий взаимодействия участников, выбор коммуникативных и языковых средств. Процесс считывания имплицитных смыслов исходного текста фиксируется лексическими и смысловыми перекличками с ним, а также топикализацией темы (микротемы) и ее интерпретацией с точки зрения той модальности, которая задана обсуждаемым текстом.

Рассмотрим три институциональных текста, реализующие универсальные (общемедийные) и специфические (относительно жанра и формата радиостанции) стратегии управления коммуникацией. В каждом случае способ языковой и оценочно-смысловой организации иницирующего текста определяет ход обсуждения и драматургию взаимодействия сетевых пользователей.

В первом случае основной функциональной значимостью обладает изобразительный код визуальной семиотики. Фотографический текст, повествующий о закулисной стороне политического события, транслирует имплицитные эмоциональные смыслы, значимые с точки зрения отклика адресата. Коннотации неуверенности, растерянности, торопливости, переданные в снимке женской фигуры, передвигающейся под зонтом, определяет модус эмоциональной реакции адресата, комментирующего то, что вызывает наибольший интерес: изнанку события. Языковой и грамматический строй вербального текста усиливают ассоциативный план восприятия фотографического сюжета:

Премьер-министра Великобритании Терезу Мэй не встретили у автомобиля, когда она приехала на переговоры в Берлин. Как пишет британская газета Independent, когда машина с главой правительства остановилась возле резиденции канцлера Германии, Ангела Меркель не вышла на улицу. Впрочем, после того, как Тереза Мэй зашла внутрь, оба лидера еще раз вышли из резиденции, чтобы поприветствовать журналистов. Мэй прилетела в Берлин обсуждать новый перенос сроков выхода Великобритании из Евросоюза (Эхо Москвы. <https://echo.msk.ru/news/2404737-echo.html>).

Согласно требованиям к новостному сообщению, в границах текста должна быть сформирована модель мира, которая является когнитивно-языковой проекцией его определенного фрагмента. При этом реципиент вправе рассчитывать на то, что представленная ему информация отражает объективную суть реального (даже если в нее включены эмоциональные компоненты подачи), на информирование о событии с нескольких точек зрения. Презумпция объективности, характерная для новости, подвергается существенной редукции, если каналом для передачи становится коммуникационный ресурс. В данном случае можно наблюдать, как контекстная импликатура (представления адресатов, сформированные на основе знания об источнике и своего опыта взаимодействия с ним) интернет-коммуникации влияет на восприятие адресата, направляя его внимание на оценочно-эмоциональный план рецепции, формируя таким образом основу для массового потока реакций.

Направленность внимания адресатов на оценочный план текста обеспечивается его тематическо-структурой. Первая и последняя фразы взаимодействуют друг с другом по принципу композиционной инверсии: заключительная фраза несет в себе основной информационный смысл (*Мэй прилетела в Берлин обсуждать новый перенос сроков выхода Великобритании из Евросоюза*), но ее второстепенный характер обусловлен положением в структуре текста. Смысловым центром становятся фразы, указывающие на возможность интерпретации с точки зрения «недостатков», отклонений от нормы. Анафорические конструкции с семантикой отрицания *не встретили..., не вышла...* выдвигаются в сильную смысловую позицию, становясь основой для оценочной концептуализации.

Таким образом, комплекс визуально-семиотических и языковых средств воздействия инициирует рекреационную деятельность реципиентов, которые реагируют не на информацию, а на эмоционально-ассоциативный план текста.

Согласно процедуре анализа, далее рассматриваются реплики адресатов, организованные в дискурсивные нити. В данном случае ими становятся диалогические единства, формируемые на основе кооперативной стратегии взаимодействия, реализующей установку на эмоциональный взаимообмен. Из 14 зафиксированных реплик 9 реализуют подобную интенцию (орфография и пунктуация сохранены. – А.Е.):

Дмитрий Серов:

Это бабские терки

Борис Савельев:

Она утомила

Ангел Хранитель:

Давайте там эксит, а к нам энтер. Лондон це Россия. Слава империи!

Yuri Nikolaev:

Обиделась... BRain'sEXIT 🙄

Alexa:

Что так не разбежалась ?!!

Михаил Бегичев:

Дорогу покажешь? (и т.д.)

Критическая основа для восприятия новости и форма ее подачи разворачивают предмет обсуждения в сторону фатичности и дискредитирующих смыслов. Определяющим для интерпретации становится топикализация темы «невстречи» («обиделась», «дорогу покажешь», «бабские терки» и т.д.). Мнение, распространяющее информационный план, представлено в единственном числе:

Владислав Гордейко:

мне кажется британия поставила себя в такое положение. что теперь брюссель понял что можно больше выжить из выхода лондона из ес. конечно британия уже не вернется в ес и второго референдума не будет. потому что если вдруг больше будет за то что бы остаться в ес . то лондон лишится все привилегий что имел.

Мнение, отклоняющееся от рекреационной установки и дискредитирующих тактик, оказалось не подержанным, как и автор реплики, напоминающий о тех журналистских ценностях, на которые, по его мнению, нужно ориентироваться при сообщении о фактах:

Олег Дадько:

Ну Эхо, ну не серьёзно же. На такого рода жесты имеет смысл обращать внимание в монархиях и на худой конец в авторитарных режимах, но не в демократиях же смотреть, кто с какой ноги через порог перешёл и как кому руку подал. Это уровень России 24.

Еще два комментария демонстрируют рассогласованность позиций авторов и дискурса. Пользователи отмечают несоответствие способов подачи информации и своих ожиданий, но предшествующий контекст нивелирует критический посыл, переводя его в русло тех реплик, шуточный тон которых приближается к анекдотическому:

Владимир Потапов:

Тереза с Анжелой в контрах.... такие новости геополитики....

Серёга Биттнер:

Ещё напишите, где и когда она чихнула.

В результате совместной речевой деятельности коммуникантов формируется конечный продукт дискурса радио – партиципаторная новость, семантика которой становится не отделимой от мнений и оценок комментаторов. Определяющую роль при обсуждении политической новости сыграли конвенции социально-сетевого общения – примыкающей коммуникации, организуемой участниками с целью эмоционального взаимообмена. В результате взаимодействие пользователей становится праздничным и отрицающим

любую аргументационную перспективу, кроме эмоциональной. Последние реплики, выражают интенцию несогласия с большинством, но характер их стилистического оформления также сигнализирует об установке на фатическое взаимодействие. При этом обмен речевыми ходами перестает быть условием диалогического развития, большинство прослеженных реплик указывает на то, что коммуниканты эхообразно отражают в своей речи эмоционально-оценочный импульс, заданный обсуждаемым текстом.

В следующем примере обсуждение спровоцировано редакторским постом, автор которого затрагивает проблему неоднозначного восприятия исторических фактов, связанных с деятельностью И. Сталина: «20 тысяч чекистов было расстреляно. Сталин считал, что это единственная форма контроля над ними» (https://twitter.com/login/error?redirect_after_login=%2).

Публицистический характер текста указывает на критикооценочный регистр аргументации, которым могут воспользоваться адресаты, вовлеченные в полемику. Об актуальности данных границ взаимодействия сигнализируют, с одной стороны, шкала морально-психологических оценок, заданная исходным текстом (20 тысяч человек расстреляно, и некто считал это нормой), а с другой – установка на эмоциональный характер реакции. Целостная структура дискурса – диалогическое единство реплик, объединенных в дискурсивную нить, формируется через эмоциональную реакцию негодования, вызванную иницирующим текстом. Актуализация именно этой эмоции определяет бесприкрытый характер сетевой (массовой) коммуникации: активными могут быть те, кто осуждает политического вожда и идеологию сталинизма, и те, кто критикует ее сторонников. Таким образом для адресата создается стратегическая лакуна для коммуникативной активности и намечается способ ее заполнения: эмоциональное взаимодействие на конфликтно-полемической основе.

В процессе эмоционально-убеждающей аргументации участники реализуют свою экстралингвистическую и лингвистическую компетенции – проявляют себя как языковые и дискурсивные личности, моделирующие картину мира в границах заданной ситуации. При этом задействованными оказываются социальные роли и ситуативные идентичности: противники и сторонники политической фигуры Сталина, провокаторы конфликтного общения, определяющие степень эмоционального накала обсуждения и оппоненты разной политической окраски.

Первой реакцией на сообщение стало высказывание, автор которого продемонстрировал установку на конфликтность:

Алиса Артющенко:

Прекратите болтовню о СТАЛИНЕ! мизинца его не стоите. побойтесь БОГА ОН ШЕЛЬМУ МЕТИТ!

Характерно, что практически никто из коммуникантов не отреагировал на очевидную провокацию в той тональности, которая предложена автором. Высказывания, демонстрирующие монологическую установку, также не вызвали отклика:

Игорь Лященко:

В царстве мертвых, демократия будет работать как дорогие швейцарские часы. А в мире живых, всерьез

говорить о власти большинства, можно только при тотальном зомбировании. Финал самой большой аферы истории - предсказуем ~ к 2030 чудом выжившие начнут с пещер. Но если найти венчурных инвесторов (втч приколстов от #руБля) еще можно построить Мир который устроит ВСЕХ, причем Быстро и Весело. Рискните с теорией на страницу, чем черт не шутит

Диалогические единства в данном случае формируются на эмоциональной основе отрицания и недовольства, но проецируются эмоции не в историческое прошлое, а в представления о социальном мироустройстве, расширяя границы предмета обсуждения. Приведем в качестве примера фрагмент беседы.

Кругляков Андрей:

нам не надо брать худшее лучше взять лучшее и в Новый Социализм

Кругляков Андрей ответил Joe:

Joe, тех кто туда не хочет расстрелять, а те кто потом народятся и станут возбужать, что им это не по нраву - лечить в психушках

Joe Black ответил Круглякову:

Кругляков:

вы ошибаетесь не верьте 1 и 2 каналу. Верьте простым людям. На тв. пропагандисты а паспорт английский.....

Кругляков Андрей ответил Joe

Joe, мне уже нет нужды ваще кому то верить в таких вопросах, я прекрасно понимаю как работают соц институты. Ваш социализм это сказка для дураков про умных и честных чиновников ...но это сказка с ужасным концом

Joe Black:

Вообще то верить надо во что нибудь. Но за 28 лет как то вера в их либерализм- капитализм иссякла житья нет для народа. Да и морально постоянно давят со всех сторон

Кругляков Андрей ответил Joe:

Joe, ну у тебя есть божки такие как Маркс Ленин Сталин...доктринеры фантазеры беспредельщики. Что придумал твой Маркс , конкретно...ну написал он Капитал , какое открытие он там сделал ? почему ты решил что он Бог и дал вам , коммунакам, право творить насильственные соц эксперименты?

Выбирая эгоцентрическую стратегию, каждый из участников выдвигает и отстаивает свою позицию, не рассматривая перспективу компромисса. Конфликтный характер коммуникации маркируется лексикой с оценочной семантикой (*доктринеры, фантазеры, божки, коммунаки, беспредельщики*), местоименными формами (*ваш социализм, твои божки, твой Маркс*), синтаксическими конструкциями, реализующими конфликтный модус в прямых вопросах (*что сделал твой Маркс?... почему ты решил что он Бог и дал вам, коммунакам, право творить насильственные соц эксперименты?*).

Условием для выражения коммуникативной свободы пользователей и демонстрации собственной позиции становится контекст сетевого общения. Реагируя на экспрессивно-конфликтный посыл иницирующего текста и реплики других пользователей, коммуниканты вовлекаются в стихию взаимодействия. Фактором, влияющим на течение коммуникации, является контекстная импликация аналогового источника,

реализующая представление о нормативах относительно дискуссионной формы взаимодействия в институциональных границах канала. Актуальная общественно-политическая проблематика является основным содержательным наполнением канала «Эхо Москвы», сформировавшим собственную культурную модель ведения публичного диалога. Характерными чертами речевого облика канала являются открытость, диалогичность, критичность. Представления о типовых моделях коммуникативного поведения акторов дискурса задают определенные направления и установки для пользования ресурсом.

С точки зрения данного положения логично объяснить следующую закономерность в течении коммуникации. Отталкиваясь от заданной темы, пользователи расширяют предмет обсуждения и переводят фокус внимания в пространство личностных смыслов и мировидческих позиций. В результате общение реализует потенциал конфликтности, протекает с высокой эмоционально-оценочной заряженностью, но в то же время отражает установку на диалогическое взаимодействие в зоне пересечения смыслов. Пафос недовольства современными социально-политическими реалиями и неверия в положительную историческую перспективу становится основой для общей позиции, которая формируется на ассоциативной аксиологической основе, фиксируется смыслом исторической закономерности, а не исторического лица. Следующие высказывания не образуют диалогического единства на уровне позиционных связей (повторов, вопросов, обращений), но реализуют более сложный, ассоциативный характер взаимодействия.

Елена Петрова:

Сталин считал то, сталин считал это... какая разница, что считал психически больной персонаж. Мы же не задаемся вопросом, что считает пациент 6-ой палаты. Так почему надо возводить в абсолют, что он там считал. Проблема в другом: как у власти оказался психопат и почему россия наступает каждый раз на одни и те же грабли.

Андрей Гусинский:

В России надо ставить памятники, только деятелям: искусства, литературы или медицины. А политическим деятелям не место, так как они раскалывают общество. Сталин - это символ и олицетворение всего зла, что так страна не может от него оттереться и отмыться. Постоянно, общество подталкивают на одни те же мысли - со Сталиным, страна не вышла в свет мировой политики и не победила в войне, когда его авантюрная политика, сделала все: что страна несла большие потери везде, где только возможно. Сталин - это просроченный продукт.

Практически все реакции коммуникантов, за исключением первых двух реплик, демонстрируют включенность в фатический план общения и независимость от тематической перспективы иницилирующего текста. В большей степени участники настроены на обсуждение социального и политического мироустройства и на эмоционально-интеллектуальный взаимообмен, т.е. действия субъектов скоординированы в зоне тех смыслов, которые актуальны для аналогового источника и аксиологического профиля его формата. Динамический характер взаимодействия

контекстов проявляется в том, что социально-сетевой вектор коммуникации определяет количественный показатель – вовлеченность в фатическую (конфликтную) коммуникацию, а представление об аналоговом источнике обуславливает ценностно-смысловой план взаимодействия не просто пользователей, вовлеченных в стихию спора, а слушателей канала, включенных в его идеологическую культуру.

Следующий пример демонстрирует закономерности реализации дискурсивного воздействия в социально-сетевом пространстве радиостанции «Радио Маяк», позиционирующей себя как *главная разговорная станция страны*. Для обсуждения предлагается следующий текст, также настраивающий пользователей на эмоциональное восприятие:

Россияне стали меньше жениться: количество зарегистрированных браков опустилось до минимума с начала века.

Наши ведущие интересуются, ваш брак зарегистрирован? Почему вы решили оформить или не оформлять отношения? Что брак даёт паре? Звоните... Пишите на WhatsApp и Viber... (<http://amp.gs/Pajj>).

Провоцирующим для эмоциональной вовлеченности адресатов является указание на критическое состояние семейного института: число заключаемых браков стремительно сокращается, на что указывают лексемы с квантитативной семантикой (*меньше, количество, минимум*).

Институциональная цель – организовать речевую активность коммуникантов – достигается через актуализацию эмоционального фона идентификации: адресатам предлагается оценить кризис в сфере семейных отношений с точки зрения восприятия собственной личности в этом статусе либо по отношению к нему. Интенсивность коммуникативного взаимодействия обеспечена эмоциональным посылом текста, который актуализирует в реакциях пользователей интенции одобрения или несогласия: эмоциональный отклик должен быть получен от тех, кто одобряет брак, и тех, кто придерживается противоположной точки зрения. В любом случае личностный план восприятия обеспечивает эмоциональную реакцию – основной искомым результат дискурсивной практики.

Характерно, что первая реплика, автор которой выступает в роли провокатора спора, резонирует с иницилирующим текстом:

Серёга Сорокин:

И да, брак - это брак, испорченная вещь.

В ответной реплике установка на общую позицию и диалогический характер взаимодействия маркирована лексическим повтором (*брак – бракованные*) и прямым обращением (*скажи...*). Эмоциональный характер вопрошания, актуализация личностного плана обсуждения (*твои родители*) становятся основой для формирования дискурсивной нити – диалогического общения на эмоциональной основе:

Жека Горев ответил Серёге:

Серёга, Скажи, а твои родители, ну или другие родственники, которые расписаны, по твоему мнению бракованные?!

Автор первого комментария предлагает конфликтную линию для дальнейшего диалога, апеллируя к

стереотипно злободневным темам, вокруг которых легко завязать спор.

Серёга Сорокин:

С чего вы решили, что наличие штампа в паспорте – это показатель отсутствия греха? Церковь (а именно РПЦ), которая как бы отделена от государства, но лезет всюду своим носом куда ей вздумается, не венчает без штампа в паспорте. А раньше этого не было! Почему она не отменит это правило, сначала в ЗАГС, потом под венец??? Вот он ваш цинизм, бюрократизм и грех политики и церкви во всей красе, с себя любимых начните!

Выпад зачинателя спора поддержал более лояльный пользователь, вклад которого в развитие диалога оказался не менее существенным. Использованные автором прямое обращение и вопросно-ответная форма обусловила продолжение коммуникации с преобладанием аргументации ad hominem:

Илья Ляхов:

Скажите мне как связаны любовь и брак? Да ни как

Дарья Голдштейн:

Уже 28 лет вместе.

Евгений Соловьев:

Да, я женат, надолго и всерьез. Штамп в паспорте нравится моей жене, я не против, после официальной регистрации появилось ощущение, что мы есть единое целое - семья.

Александр Андриенко:

Женат 10 лет. Зачем вкладываться (душой и финансами) в человека который тебе никто? А так же-нился и спокойно можно растить детей, планировать будущее и "добра наживать".

Выбор эгоцентрической стратегии каждым из участников определяется интенцией парировать на заявление о несвязанности чувств и официального статуса отношений через демонстрацию собственного успешного опыта – *женат, надолго и всерьез, 10 лет...* Идентифицируя себя с успешным семьянином, коммуниканты формируют общую позицию эмоциональной удовлетворенности, но особенность дискурсивной организации взаимодействия проявляется в том, что этот результат получают обе стороны – сторонники и оппоненты. Дискурсивная нить, скрепляя разрозненные реплики, формируется на эмоциональной основе, вовлекающей коммуникантов в фатическое взаимодействие. При этом высказывания адресатов не демонстрируют маркеров успешного диалога – стратегической координации на уровне реплик-переспросов, лексических и синтаксических повторов на протяжении всего хода коммуникации. В этом случае отсутствие диалогических показателей внутри коммуникативной ситуации не свидетельствует о коммуникативной неудаче. Положительный результат, с точки зрения дискурса, обусловлен массовой вовлеченностью пользователей, демонстрирующих типовые реакции и установки на удовлетворение социально-психологических потребностей в самоактуализировании и рекреации.

Обсуждение результатов исследования

Принцип организации коммуникативного взаимодействия в дискурсе конвергентного радио заключает-

ся в том, что информация (редакторский пост, новость) «пропускается» через фильтр мнений, оценок, интерпретаций. Подобный характер реализации дискурса медиа указывает на актуальность изучения способов осуществления контроля над реакциями адресатов.

В работах по анализу массмедийного воздействия, эксплицированного в коммуникативных установках и языке адресанта [10–13], показано, что механизмы контроля имеют универсальный характер и проявляются в процессе замещения фактической информации конструктами, созданными на основе селекции и подтасовки фактов, искажения информации и ее фрагментации. В логике подобного автороцентрического подхода рассматриваются диалоги между радиоведущим и слушателем [14], т.е. исследование механизмов реализации дискурсивной власти в ситуации непосредственного взаимодействия демонстрирует ту же закономерность в выборе объекта исследования – способы языковой и коммуникативной организации текста, реализующего манипулятивный потенциал. Но дискурс представлен не только стороной адресанта и его воздействующих интенций – не менее важную роль в его функционировании играет адресат и его непосредственные реакции на инициативы институционального агента. Процесс взаимодействия в коммуникационном пространстве конвергентного радио позволяет увидеть другую грань реализации дискурсивного контроля – в реакциях коммуникантов, интерпретирующих институциональный текст. Синхронная и асинхронная коммуникация вокруг сообщения способствует тому, что реципиент может выйти за границы предопределенности и выбрать собственную модель поведения.

Наблюдаемый материал показывает, что такие сюжеты среди участников обсуждения – единичны и, скорее, носят характер исключения. Большинство пользователей демонстрируют общность в реакциях независимо от типа иницилирующего текста – новости, публицистики или развлекательного материала. В каждом случае пользователями выбирается общая стратегия развлечения и эмоционального взаимообмена. Можно говорить о том, что гипотеза общности в реализации модели коммуникативного поведения в дискурсе конвергентного радио подтвердилась и нашла свое обоснование в анализе принципов взаимодействия участников обсуждения.

В качестве результата исследования можно предложить комплекс признаков, указывающих на результативность дискурсивных механизмов воздействия, о проявлении которого можно говорить, если:

1) коммуниканты демонстрируют установку на топикализацию темы в лексических повторах и перекличках с исходным текстом. Итерации ключевых тем определяют ветвящийся характер коммуникации, когда комментарий исходного текста становится авторством для другого читателя;

2) коммуниканты реализуют установку на фатический план общения, который является основой для объединения разрозненных фрагментов в целостные структуры. Результатом интерпретации может стать тематическое расширение, смысловая и концептуальная перестройка содержания, но общим основанием

для взаимодействия остается эмоциональный план обсуждения, заданный иницирующим текстом;

3) коммуниканты не реагируют/слабо реагируют (не более одной ответной реплики) на те сообщения, которые выходят за границы дискурсивной нити.

Наибольший эффект дискурсивного воздействия прослеживается в ситуации подхвата участниками обсуждения тех посылок, которые актуализированы в институциональном тексте. «Повестка дня», заданная обсуждаемым текстом, «впечатывает» в сознание коммуникантов ментальные схемы, определяющие направление восприятия и реакций.

Используемые авторами постов смыслы-подсказки направляют внимание субъектов на детали, важные для развития темы в эмоциональном ключе, в результате у реципиентов формируется ментальный стереотип того, как надо думать и действовать в процессе обсуждения новостного, аналитического или развлекательного текста. Фатический план, встроенный в обсуждаемый текст любой содержательной направленности, определяет режим инфотаймента – развлекательно-рекреационной деятельности коммуникантов, конструирующих спонтанный образ мира и эмоционально переживающих его.

Мультимедийный формат конвергентного радио актуализирует ресурсы интерактивной коммуникации и невербальной семиотики, формируя качественно иную, по сравнению с текстами аналоговых источников, медийный продукт. Его характеризует установка на эмотивный план повествования, конфликт ценностей, интеграция текстовых (вербальных и невербальных) и коммуникационных структур. Высокая степень вовлеченности адресата в процесс интерактивной коммуникации реализует принцип примыкающей коммуникации, когда адресаты считывают медийный сюжет с точки зрения его эмоционально заряженной интриги; смыслы, конструирующие дискурс, не предполагают аналитической глубины и онтологического обеспечения. В этом случае результат коммуникативной деятельности значим с точки зрения рекреативной составляющей. Эта закономерность в большей степени характерна для новостного жанра. В публицистическом тексте может реализоваться иной сценарий, согласно которому ожидания пользователей, их реакции и действия также программируются средствами фатики. Но возможность формирования тематических ответвлений и собственных коммуникативных лакун может организовать диалогическую линию коммуникации, в чем видится специфика конвергентного радио, транслирующего как общемедийные установки (массовость и развлекательный характер), так и локальные (общекультурная концепция прототипического канала).

Указанные аспекты демонстрируют теоретическую сложность подхода к описанию дискурсивного воздействия в коммуникативном пространстве конвергентного радио. Представляется, что комплексный анализ, учитывающий социокультурные, языковые и коммуникативные факторы реализации дискурсивной практики, позволит говорить об эксплицитности проявления дискурсивного контроля не только со стороны автора и порождаемого им текста, но и со стороны

адресата, интерпретирующего этот текст в режиме онлайн коммуникации.

Заключение

Функционирование социально-сетевого радио, как и любого медиа, строится на принципе информационного самовоспроизводства – аутопойезиса, по Н. Луману [8], которое существенно трансформировалось под влиянием активной роли адресата. Прежде всего эффект конвергенции выразился в расширении границ адресной аудитории, которую дополнили лояльные пользователи и подписчики. Благодаря возможностям сетевого взаимодействия с институциональным медиа, прежде рассредоточенная и гетерогенная аудитория стала индивидуализированной и опознаваемой, получив свободу в управлении ресурсом, которой не было ни в одной из прежних институциональных форм коммуницирования. Мнение адресата, выраженное в комментариях к постам, в диалоге с журналистами и другими пользователями, становится коммуникативным и аксиологическим вкладом в смысловое пространство дискурса. В этой связи актуально говорить о возможности конвергентного источника формировать открытое публичное пространство для общественного диалога. Именно в этом качестве «аппарата для коммуникации», способного обеспечить доступ к общественной трибуне широким массам», видел радио его первый теоретик В. Бенямин [21. С. 209].

Адресат гибридных форм массовой коммуникации выступает как активный агент дискурса, осведомленный и заинтересованный субъект, настроенный на дискуссионные формы участия в дискурсивной практике. Результатом такого взаимодействия в информационно-аналитическом сегменте радио становится процесс, который может быть измерен в категориях публичного диалога и общественного мнения, но развлекательный характер конвергентного источника, транслирующего на социально-сетевой платформе интернета, выражен не менее отчетливо, о чем свидетельствует, в частности, проанализированный материал. Средством реализации рекреационной стратегии дискурса конвергентного радио становится комплекс возможностей, которые получает пользователь мультимедийного источника на основе языковых, визуальных и акциональных кодов, отсылающих к чтению, просмотру, управлению ресурсом согласно своим потребностям в развлечении, общении и социализации. Критический порог восприятия информационного материала существенно снижается, если принципом его подачи становится эмоциональная основа, провоцирующая массовое интерактивное обсуждение в диапазоне реакций, заданных институциональным дискурсом. Таким образом, манипулятивное воздействие может проявиться в тиражировании определенных моделей поведения, эффективно воспроизводящих дискурсивную практику, в данном случае следует говорить о том, что конвергентная форма радио реализует обе установки – массовый характер участия и психоэмоциональную форму актуализации адресата в его коммуникативном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лассуэл Г. Структура и функции коммуникации в обществе. М. : Едиториал УРСС, 2002. 132 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий, 2001. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3496> (дата обращения: 19.12.2020).
3. Дейк ван Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
4. Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge : Polity Press, 1992.
5. Матисон Д. Медиадискурс. Анализ медиа-текстов. Исследования медиа и культуры. Харьков : Гуманитарный центр, 2017. 264 с.
6. Holl S. «Encoding, decoding in the television discourse» // Holl S., Hobson D., Lowe P. *Culture, Media, Language*. Hutchinson : Landon, 1980.
7. Kress G., Van Leeuwen T. *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. London : Arnold, 2001.
8. Луман Н. Реальность массмедиа. М. : Канон+, 2012. 240 с.
9. Резанова З.И., Ермоленкина Л.И., Костяшина Е.А. и др. *Картины русского мира: современный медиадискурс* / ред. З.И. Резанова. Томск : ИД СК-С, 2011. 288 с.
10. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М. : Флинта: Наука, 2008. 263 с.
11. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // *Язык средств массовой информации*. М. : Академический проект, Альма Матер, 2008. С. 6–25.
12. Леонтьев А.А. Психология воздействия в массовой коммуникации // *Язык средств массовой информации*. М. : Академический проект, Альма Матер, 2008. С. 133–146.
13. Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование метафоры в текстах СМИ // *Язык средств массовой информации*. М. : Академический проект, Альма Матер, 2008. С. 419–436.
14. Чудова И. Нормативное воздействие СМИ: изучение радиодialogов // *Современный дискурс-анализ* URL: <http://discourseanalysis.org/ada3/st25.shtml>. (дата обращения: 18.12.2020).
15. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ // *Теория и метод*. Харьков : Гуманитарный центр, 2008. 336 с.
16. Карасик В.И. Креативы в сетевом дискурсе // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия Лингвистика*. 2018. № 5. С. 29–44.
17. Прокофьева А.В. Развитие дискурса интернет-пространства на современном этапе и особенности его языковой организации // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2017. № 5. С. 85–96.
18. Clark H. *On Stochastic Grammar* // *Language*. 2005. Vol. 81 (1).
19. Pickering M.J., Garrod S. Automaticity in Language Production in Monologue and Dialogue // *Automaticity and Control in Language Processing* / eds by A.S. Meyer, L.R. Wheeldon, A. Krott. Hove : Psychology Press, 2007.
20. Jäger S., Maier F. Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis // *Methods of Critical Discourse Analysis*. SAGE, 2009.
21. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / пер. с нем. С. Ромашко // *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*. М. : РГГУ, 2012. С. 189–235.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 июня 2021 г.

Mechanisms of Discursive Influence in the Communicative Space of Convergent Radio

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 25–33.

DOI: 10.17223/15617793/468/3

Larisa I. Yermolenkina, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: arblar2004@rambler.ru

Keywords: discourse of convergent radio; interactive communication; discursive influence.

The focus of the article is on the problem of the media influence of one of the hybrid forms of modern communication – convergent radio broadcasting on the Internet. The article considers the social network version of convergent radio broadcasting through popular Internet accounts. It is in this communicative space that the active and creative nature of the role of the addressee is manifested. The addressee constructs discourse in interactive communication when discussing topics (editorial posts) journalists initiate. The focus of the study is on the materials of three interactive sessions of the radio stations Echo of Moscow and Radio Mayak, which organized a discussion of news and journalistic texts. The methodology of the material analysis takes into account the institutional and personal aspects of the discursive practice of convergent radio. In the terms of the discursive approach, the article reveals the role of the contexts of the analog radio source (its format concept) and social network communication, which structure communication with the idea of the channel's value attitudes, its style and thematic preferences. If the context of the analogue source orients the user to certain conventions of dialogue and adherence to the norms of interpersonal communication, then the context of network communication is characterized by an attitude towards attracting a loyal audience and the mass nature of communication. At the intersection of these contexts, the mechanisms of the discursive effects of convergent radio are manifested in the organization of communication within stereotypical models of communicative behavior – in the actualization of users' typical reactions necessary for discourse for its self-reproduction. The manifestation of these reactions is considered based on the method of qualitative discourse analysis in the version proposed by Z. Yeager. The analysis of the material shows that discursive influence is manifested in the compulsion to mass character realized through the mechanisms of phatic control of communication embedded in the initiating text. Discourse creates strategic communication gaps in which users implement entertaining and socializing intentions. The choice for the analysis of texts of different genres demonstrated the commonality of the mechanism of influence: the phatic plan of texts of different genres implements the mode of infotainment – the entertaining and recreational activity of communicants who construct a spontaneous image of the world and emotionally experience it.

REFERENCES

1. Lasswell, H.D. (2002) *Struktura i funktsii kommunikatsii v obshchestve* [The structure and function of communication in society]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
2. Baudrillard, J. (2001) *Sistema veshchey* [The system of objects]. Translated from French. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3496> (Accessed: 19.12.2020).
3. van Dijk, T.A. (2013) *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power]. Translated from English. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
4. Fairclough, N. (1992) *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press.

5. Matheson, D. (2017) *Mediadiskurs. Analiz media-tekstov. Issledovaniya media i kul'tury* [Media Discourses. Analysing Media Texts]. Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr.
6. Holl, S. (1980) "Encoding, decoding in the television discourse". In: Holl, S., Hobson, D. & Lowe, P. *Culture, Media, Language*. Hutchinson: London.
7. Kress, G. & Van Leeuwen, T. (2001) *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. London: Arnold.
8. Luhmann, N. (2012) *Real'nost' massmedia* [The reality of the mass media]. Moscow: Kanon+.
9. Rezanova, Z.I. et al. (2011) *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Pictures of the Russian world: modern media discourse]. Tomsk: ID SK-S.
10. Dobrosklonskaya, T.G. (2008) *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI* [Medialinguistics: a systemic approach to learning the language of the media]. Moscow: Flinta: Nauka.
11. Volodina, M.N. (2008) Yazyk SMI – osnovnoe sredstvo vozdeystviya na massovoe soznanie [The language of the media as the main means of influencing the mass consciousness]. In: Volodina, M.N. (ed.) *Yazyk sredstv massovoy informatsii* [Language of the media]. Moscow: Akademicheskii proekt, Al'ma Mater. pp. 6–25.
12. Leont'ev, A.A. (2008) Psikhologiya vozdeystviya v massovoy kommunikatsii [Psychology of influence in mass communication]. In: Volodina, M.N. (ed.) *Yazyk sredstv massovoy informatsii* [Language of the media]. Moscow: Akademicheskii proekt, Al'ma Mater. pp. 133–146.
13. Chudinov, A.P. (2008) Kognitivno-diskursivnoe issledovanie metafory v tekstakh SMI [Cognitive-discursive study of metaphor in media texts]. In: Volodina, M.N. (ed.) *Yazyk sredstv massovoy informatsii* [Language of the media]. Moscow: Akademicheskii proekt, Al'ma Mater. pp. 419–436.
14. Chudova, I. (2020) *Normativnoe vozdeystvie SMI: izucheniye radiodialogov* [Normative influence of the media: a study of radio dialogues]. [Online] Available from: <http://discourseanalysis.org/ada3/st25.shtml>. (Accessed: 18.12.2020).
15. Phillips, L. & Jorgensen, M.V. (2008) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and method]. Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr.
16. Karasik, V.I. (2018) Creatives in Network Discourse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Lingvistika – Bulletin MSRU. Series 'Linguistics'*. 5. pp. 29–44. (In Russian).
17. Prokof'eva, A.V. (2017) The Present Stage of Development and Language Structural Organisation of the Internet Discourse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Lingvistika – Bulletin MSRU. Series 'Linguistics'*. 5. pp. 85–96. (In Russian).
18. Clark, H. (2005) On Stochastic Grammar. *Language*. 81 (1).
19. Pickering, M.J. & Garrod, S. (2007) Automaticity in Language Production in Monologue and Dialogue. In: Meyer, A.S., Wheeldon, L.R. & Krott, A. (eds) *Automaticity and Control in Language Processing*. Hove: Psychology Press.
20. Jäger, S. & Maier, F. (2009) Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis. In: *Methods of Critical Discourse Analysis*. SAGE.
21. Benjamin, W. (2012) *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya* [Doctrine of the similar. Media aesthetic works]. Translated from German. Moscow: RSUH. pp. 189–235.

Received: 18 June 2021